

Цзян Хун и подумать не мог, что ему придётся самому себе могилу навещать, да и у его родного младшего брата после смерти даже собственного могильного холма не осталось.

Двенадцатое июня, день рождения Цзян Хуна — день, о котором он даже сам не помнил. Мать Цзян помнила его чётко и ясно, поэтому спозаранку позвонила Цзян Хуну и попросила его съездить на кладбище. Раньше она ни при каких обстоятельствах не желала отвлекать Цзян Цяня от учёбы, но в этом вопросе мать Цзян проявила непреклонность.

Когда он доехал на автобусе, мать Цзян уже была там. Она стояла у входа на кладбище, ссутулившись с пакетом в руках. Приходить на собственную могилу — как ни посмотри, казалось чем-то жутко сюрреалистичным, и Цзян Хун даже понятия не имел, где именно зарыто его тело.

Всю дорогу оба хранили молчание. Цзян Хун знал, как тяжело матери на душе, но не мог же он признаться, что он и есть тот самый Цзян Хун. Скажи он правду, и матери вновь пришлось бы испытать всю боль утраты ещё одного сына.

В этом тесном и переполненном месте, где урбанизация наступала всё стремительнее, клочок земли, где он лежал после смерти, мать Цзян купила за тридцать с лишним тысяч. Строго говоря, место было не из лучших, но это было всё, чего она смогла добиться ценой невероятных усилий. Мать Цзян и Цзян Цянь едва сводили концы с концами, но в этом деле она не поскупилась ни на йоту.

— Постой-ка... — мать Цзян вдруг схватила Цзян Хуна за руку и потащила прятаться за каменную стелу неподалёку.

— Мам?

— Подожди немного... — бормоча, мать Цзян вцепилась в него мертвой хваткой, словно боясь, что он сбежит.

Стоило Цзян Хуну поднять голову, как он сразу понял, почему мать так испугалась. Хань Юй был здесь, и выглядел по-прежнему внушительно: позади него толпилось несколько телохранителей. Издалека было видно лишь то, что он, кажется, курит. Это казалось довольно странным — раньше он сроду не брал сигарет в руки.

Не видевшись полгода, он сильно изменился.

Заметив, как сильно нервничает пожилая женщина рядом с ним, Цзян Хун не удержался и успокаивающе произвел:

— Мам, всё в порядке, на этот раз я не стану срываться и не побегу сломя голову, не переживай.

Цзян Хун мог только стерпеть. Раз он сейчас не ровня обидчику, неужели он не сможет просто уйти от него подальше?

Но, судя по всему, небеса его молитв не услышали. Хань Юй всё не уходил, а спустя какое-то время даже махнул рукой, отпугая телохранителей подальше, после чего уселся на камень и принялся одну за другой смолить сигареты.

Цзян Хун искренне желал превратиться в злобного мстительного духа и сожрать его за один присест! Подумать только: человек уже мёртв, а этот тип курит прямо у его могилы, неужели ему плевать, что дым доходит до покойного! Что за маленький сукин сын, какими же мерзкими помыслами он руководствуется!

Он-то мог подождать, но мать Цзян уже состарилась. Хотя она и уставала на тяжёлой работе каждый день, ещё никогда ей не доводилось простаивать на ногах столь долго, а пачка сигарет тем временем уже подходила к концу. Цзян Хун из последних сил сдерживал себя, опасаясь в порыве гнева сорваться с места.

Как раз когда пачка почти опустела, на лице Цзян Хуна промелькнула радость:

— Мам, потерпи ещё чуть-чуть, этот человек скоро уйдет!

Мать Цзян размяла затекшие ноги и кивнула. Из-за этого затянувшегося ожидания она сильно тревожилась, ведь сегодня пропал целый день.

И надо же было такому случиться: ровно в тот момент, когда в их сердцах забрезчила надежда, телохранитель Хань Юя услужливо протянул ему новую пачку. Твою ж мать!

— Мам, иди-ка ты домой. Похоже, сегодня он уходить не собирается! — в голосе Цзян Хуна помимо воли прорезалась прежняя жёсткость и суровость.

— Сяо Цянь... — видя такое дело, мать Цзян встревожилась ещё сильнее.

Цзян Хун на миг замер, после чего растянул губы в мягкой улыбке — к счастью, он не был злым волком, оставалось лишь благодарить смазливое лицо его младшего брата.

— Клянусь, я больше не стану нарываться на неприятности. Я молодой, вот он уйдёт, я и навещу старшего брата, уж к нему-то я точно-точно не полезу, ладно?

Цзян Хун сам не понимал, каких невероятных усилий стоило ему произнести эти слова, ведь на

самом деле ему безумно хотелось содрать с этого ублюдка кожу полоса за полосой.

— Пожалуй, я лучше еще побуду здесь, в конце концов, сегодня день рождения твоего брата, — всё ещё опасалась мать Цзян.

— Мам, ты же не хочешь, чтобы старший брат видел, как ты тут стоишь часами? Он же будет переживать. Иди домой, а я покараулю ещё немного. Если он и тогда не уйдёт, я тоже вернусь, а завтра придём вместе, старший брат не рассердится.

Он действительно не рассердился бы, потому что всю накопившуюся ярость Цзян Хун перенаправил на того человека у могилы.

Уговорами и хитростью спровадив мать домой, Цзян Хун поправил принесенные с собой дары и горько пожалел о том, что был таким дураком и не прятал деньги тайком. Поглядите-ка на него теперь: даже после смерти матери приходится жечь ему фальшивые деньги.

Цзян Хун больше не горел желанием нарываться на неприятности, а потому просто уселся на землю, прислонившись спиной к каменной стеле, и решил вздремнуть, надеясь переждать время.

Хань Юй стряхнул пепел с сигареты и поднялся на ноги. От долгого сидения затекшее тело слегка качнуло, но когда телохранители издалика бросились ему на помощь, он отмахнулся. Оперевшись рукой о надгробную плиту, Хань Юй почувствовал, как в груди вновь зазмеилась тупая боль. На сердце стало невыносимо тесно, а образ Цзян Хуна — его голос, его улыбка — неотвязно всплывал в памяти, терзая душу зубьями невидимой пилы: рана вроде бы невелика, а болит нестерпимо.

— Послушай, Хань Юй, купи-ка мне местечко на кладбище. Только не какое-нибудь элитное, сойдёт и самое обычное, пусть даже впритык к чужим могилам — хоть по ночам смогу к соседям в гости бегать... — изрек он тогда и залился громким, искренне счастливым смехом.

— Ещё чего удумал, до могилы ли сейчас, неужели не боишься накликать раннюю смерть... — что он тогда ответил? Хе-хэ, Цзян Хун действительно умер, поистине умер. Прошло уже полгода, и ему казалось, что он сможет и дальше оставаться таким же бесчувственным, как в первые дни после его кончины. Но почему же сейчас ему хочется выкопать его из земли и отвесить жёсткое предупреждение: Цзян Хун, ты, мать твою, ублюдок, кто разрешил тебе умереть так рано? Разве ты не твердил вечно, что твоя жизнь принадлежит только тебе, и даже Хань Юй не смеет её отнять? Почему же ты так легко сдался смерти? Почему?!

Хань Юй и сам не понимал почему, но у него даже дыхание перехватывало от боли. Временами, поддавшись отчаянию, он без устали клял Цзян Хуна за слабость, за глупость — за то, что тот так легко и бессмысленно расстался с жизнью!

Хань Юй медленно пошёл назад, а слегка покрасневшие глаза выдавали человека, который

только что едва не потерял над собой контроль.

Спустя десяток шагов он заметил прикорнувшего у надгробия Цзян Цяня. Конечно же, он прекрасно знал этого паренька — Цзян Цяня, сокровища, которое Цзян Хун носил на руках. И на сердце у него вдруг шевельнулось некое подобие зависти: с какой стати Цзян Хун мёртв, а этот щенок всё ещё может безмятежно спать?

— Вставай... — Хань Юй никогда не отличался вежливостью и бесцеремонно ткнул Цзян Хуна носком ботинка в лицо.

Цзян Хун вовсе не собирался спать, просто его нынешнее тело всё ещё было слабым, вот недолгая дремота и переросла в сон.

И всё же врождённая бдительность, впаянная в саму его душу в прошлой жизни, не исчезла. Пусть физическая подготовка и хромала, простофилей он не был: рефлекторно схватив обидчика за ногу обеими руками, он рванул её назад, перекатился по земле и попытался отскочить в сторону. На беду, сбоку громоздились ступени каменной стелы, и несчастный бедняга тут же пробудился от пронзительной боли.

— Ох, бя... — подняв голову и уткнувшись взглядом в нависшую над ним тень, Цзян Хун спешно проглотил остатки ругательств. Настоящий муж умеет и прогибаться, и распрямляться: он стерпел даже кровную месть, так что сейчас ему никак нельзя вступать в конфликт с этим типом. Ни к чему снова загреметь в больницу — кто знает, останутся ли у него вообще живые дни?

— Ты — младший брат Цзян Хуна?

Тоже мне, нашёл что спрашивать, твою ж мать! Если на то пошло, этот самый парень в своё время лично таскал Хань Юя на церемонию поступления Цзян Цяня в университет! Стоп, но ведь это значило, что Хань Юй прекрасно знал, кто такой Цзян Цянь, и всё равно позволил людям избить его, из-за чего Цзян Цянь в итоге и отдал концы?

Цзян Хун до скрипа сжал зубы. Вспышка ярости ударила в голову, и он с криком бросился вперёд:

— Хань Юй, мать твою, да я прикончу тебя...

Цзян Хун действовал слишком опрометчиво. Он позабыл о том, что боевые навыки Хань Юя всегда превосходили его собственные, а уж теперь и подавно.

— Замочить меня вздумал? Сперва бы померил свои силёнки! — с издевательской усмешкой процедил Хань Юй, в чьих глазах плескалась чистейшая насмешка.

Одним движением он скрутил Цзян Хуна и впечатал его спиной в каменную стелу, лишив всякой возможности пошевелиться.

В глазах Цзян Хуна заплясало безумие. Он сроду не отличался особым терпением, а столкнувшись лицом к лицу с заклятым врагом, который к тому же сам лез на рожон, Цзян Хун посчитал бы чудом способность сдержать свой гнев.

— Хань Юй, да чтоб ты сдох... — со всего маху отвесил он ему пощёчину. Ударил без малейшего сдерживания сил, так что щека самого Цзян Хуна мгновенно покраснела и опухла.

— Ах ты, твою... — последовал ответный удар.

— Научить тебя, как следить за своим языком? — терпение Хань Юя по отношению к безразличным ему людям было крайне ограниченным, а ненависть, полыхавшая в глазах противника, сильно раздражала.

Цзян Хун умолк. Из уголка его рта сочилась кровь, но, скованный железной хваткой Хань Юя, он не отрывал от него взгляда, а бушующая в его глазах ненависть казалась способной затопить самого Хань Юя.

Хань Юй на мгновение потерял дар речи: ему показалось, будто он снова видит Цзян Хуна, который, подобно дикому леопарду, скалил зубы и метал громы и молнии.

Помимо собственной воли рука Хань Юя скользнула по чужому лицу:

— До чего же похож...

В этом взгляде сквозило такое безумное исступление, что Цзян Хун на долю секунды поддался очарованию момента. Но стоило этой руке коснуться его кожи, как те слова прозвучали острой бритвой, исполозовавшей его сердце в кровоточащие лохмотья.

Покрасневшими глазами Цзян Хун безумным движением оттолкнул его:

— Конечно похож, я ведь его младший брат! Почему ты не заметил этого в прошлый раз, когда приказал своим людям избить меня, а-ха-ха...

Хань Юй, это ты довел моего брата до смерти!

И теперь ты, мать твою, заявляешь мне тут о каком-то сходстве? Ха-хэ, до чего же мерзкая ирония...

Юноша с окровавленными губами тяжело дышал, в его глазах бушевало безумие, и этот вид до боли напоминал самого Цзян Хуна, заставив Хань Юя невольно выдохнуть:

— Цзян Хун...

Цзян Хун сейчас был вовсе не расположен нянчиться с ним. Его ещё не окрепшее тело вновь подавало сигналы тревоги, в районе рёбер нестерпимо кололо, а схватка с Хань Юем выжала из него последние соки. Ноги подкашивались, в гудящей, словно набат, голове всплыл образ матери — такой робкой, такой приниженной.

Бежать. Нужно немедленно убираться отсюда, нельзя давать Хань Юю новый шанс причинить ему вред, нельзя умирать во второй раз. С таким трудом, ценой невероятных усилий... В этот миг Цзян Хун как никогда прежде страстно желал жить.

От парочки звонких пощёчин, отвешенных Хань Юем, в голове стоял гул, но дорогу он всё же различал. Спотыкаясь на каждом шагу, Цзян Хун думал, что бежит быстро, но на деле его движения напоминали походку мертвецки пьяного человека.

— Господин Хань? — подчинённые Хань Юя проводили взглядом удаляющуюся фигуру Цзян Хуна и нерешительно подали голос.

Хань Юй махнул рукой. Глядя на то, как Цзян Хун шаг за шагом бредёт вперёд, рискуя в любую секунду рухнуть на землю, он в этот момент снова уловил в этом паренёке тень Цзян Хуна. В конце концов, он ведь младший брат Цзян Хуна, наверное, именно поэтому они так похожи!

Оторвав взгляд от дороги, он посмотрел на землю, где лежали принесённые Цзян Хуном и матерью Цзян дары — аккуратные пачки жертвенной бумаги. От этого зрелища Хань Юю показалось, будто его сердце выскребли до конца.

— Цзян Хун, если бы ты был жив, неужели ты бы, как твой брат, попытался прикончить меня? Цзян Хун, я-то думал, с твоим характером ты бы явился мстить мне даже в обличье злобного духа. Но почему, спустя полгода, мне во сне ни разу не довелось увидеть тебя? Цзян Хун, неужели ты совсем не держишь на меня зла?

Хань Юй бормотал себе под нос, словно помешанный, и само его выражение лица было пропитано безумием.

<http://bllate.org/book/24885/2944721>